

**Ольга Анатольевна
МАЛЫШЕВА,**

профессор кафедры
уголовно-процессуального
права

Университета
имени О. Е. Кутафина
(МГЮА),

доктор юридических наук,
доцент

oamalysheva@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Обеспечение законности при использовании системы видео-конференц-связи в следственном действии с участием заключенного под стражу обвиняемого

Аннотация. Соблюдение законности выступает важным условием защиты прав, законных интересов личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства. Положительный потенциал использования системы видео-конференц-связи в следственном действии в определенной степени снижает гарантированность права обвиняемого на защиту. Ситуация с обеспечением указанного права обостряется при нахождении обвиняемого в следственном изоляторе ввиду применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Анализ конструкции правовой нормы, закрепляющей перечень органов дознания, исследование правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ по вопросу конфиденциального общения защитника со своим доверителем, обобщение мнений адвокатов-защитников, интерпретация результатов следственной практики позволили обосновать гарантии законности дистанционного производства следственного действия с участием обвиняемого, заключенного под стражу.

Ключевые слова: право на защиту, обвиняемый, видео-конференц-связь, адвокат, законность, следственное действие, следственный изолятор, конфиденциальность общения защитника и доверителя.

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.032-040

Olga A. MALYSHEVA,

Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Associate Professor

oamalysheva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Ensuring the rule of law when using a video conferencing system in an investigative action involving a detained defendant

Abstract. Observance of the rule of law is an important condition for the protection of the rights and legitimate interests of a person involved in criminal proceedings. The positive potential of using a video conferencing system in an investigative action to a certain extent reduces the guarantee of the accused's right to defense. The situation with ensuring this right is aggravated

when the accused is in a pre-trial detention center due to the application of a preventive measure in the form of detention. The analysis of the construction of the legal norm fixing the list of bodies of inquiry, the study of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of confidential communication between the defender and his principal, the generalization of the opinions of defense lawyers, the interpretation of the results of investigative practice allowed to substantiate the guarantees of legality of the remote production of an investigative action with the participation of the accused in custody.

Keywords: *the right to defense, the accused, video conferencing, lawyer, legality, investigative action, pre-trial detention center, confidentiality of communication between the defender and the principal.*

Законность в уголовном судопроизводстве — строгое и неукоснительное следование властными субъектами уголовного процесса предписаниям уголовно-процессуальных норм. Ее соблюдение выступает важным условием защиты прав, законных интересов личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальной деятельности. И. П. Левченко процессуальную сущность законности понимал шире, чем указано выше, и определял ее как «совокупность установленных в законе норм, приемов, способов и средств реализации конкретных правил поведения (прав и обязанностей) каждым из участников процесса»¹, дополняя, таким образом, круг субъектов, несущих процессуальную обязанность соблюдать правила поведения в уголовном судопроизводстве, за счет включения в него невластных участников — потерпевшего, обвиняемого, защитника и др.

В условиях расширения применения цифровых технологий в досудебном производстве актуализируется потребность в исследовании состояния законности при производстве следственных действий, являющихся основными способами собирания и проверки уголовно-процессуальных доказательств причастности лица к совершению преступления, его виновности в наступлении негативных последствий вследствие совершения преступления и т.д.

Назначение цифровых технологий в современном уголовном судопроизводстве состоит как в оптимизации профессиональной деятельности властных участников уголовного процесса, так и в расширении процессуальных гарантий прав, законных интересов подозреваемого, обвиняемого².

Поскольку в судебном производстве цифровые технологии стали применяться с 2011 г. (видео-конференц-связь, смс-уведомление), возможность в ходе следственного действия (допроса, очной ставки, опознания) применять такую цифровую технологию, как система видео-конференц-связи (ВКС), была воспринята правоприменителями как долгожданный шаг законодателя.

¹ Левченко И. П. Механизм применения права. Смоленск, 1997. С. 68.

² Мальшева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 76.

Ранее ученые положительно характеризовали перспективу проведения допроса в дистанционном режиме — с применением системы ВКС. Так, Е. П. Ищенко уточнял, что надлежащее качество видео- и звукового ряда, возможность удостоверить результаты следственного действия позволяют обеспечить полноту восприятия сторонами информации тождественно той, которая могла бы быть получена в случае производства следственного действия в привычном режиме. Однако при этом потребуются затрачивать меньше ресурсов для организации и проведения дистанционного допроса, повысится оперативность получения необходимых для расследования уголовного дела сведений³.

Самостоятельной положительной чертой применения ВКС в ходе следственного действия выступает возможность зафиксировать не только вербальную информацию, но и невербальные средства реакции участников следственного действия⁴. Последнее не менее полезно для расследования уголовного дела в сравнении с полученными сведениями в ходе производства рассматриваемых следственных действий, так как выступает своего рода индикатором достоверности таких сведений.

Практические работники органов уголовной юстиции, особенно защитники, анализируя круг властных субъектов, наделенных правом участвовать в производстве следственных действий с использованием системы ВКС, приходят к ошибочному суждению об ограничении такого круга субъектов должностными лицами органов предварительного расследования, а именно следователями и дознавателями. Важность уточнения данного вопроса усиливается в случае применения к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу.

Действительно, принадлежность следственного изолятора (СИЗО) к категории режимных объектов обуславливает трудность, практически невозможность исполнения следователем, дознавателем органа предварительного расследования поручения следователя, дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, об организации участия находящегося в СИЗО обвиняемого в следственном действии, предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ. Препятствием тому являются режимные требования в СИЗО. Между тем, согласно ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ, следователь, дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело, уполномочен направить обозначенное поручение, наряду со следователем, дознавателем, и органу дознания по месту нахождения лица, участие которого необходимо в следственном действии.

Неудачная конструкция ч. 1 ст. 40 УПК РФ дает отдельным правоприменителям основание считать недопустимым исполнение подобного поручения сотрудниками СИЗО. Согласно предписаниям правовой нормы, закрепленной анализируемой статьей уголовно-процессуального закона, органом дознания, наряду с органом

³ Ищенко Е. П. Специальные знания и новые информационные технологии // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня профессора И. М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е. И. Зуева) : сборник материалов 50-х Криминалистических чтений : в 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2009. Ч. 1. С. 539.

⁴ Милинчук В. В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. М., 2001. С. 130.

внутренних дел, являются органы, наделенные правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность. К последним, согласно ч. 8 ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», относятся и оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний.

В систему органов и учреждений ФСИН России входят СИЗО, имеющие в своей структуре оперативные подразделения. Такая сложная цепь рассуждений объясняет причину формирования неверного мнения у практических работников о том, что сотрудники СИЗО являются ненадлежащими субъектами исполнения поручения следователя, дознавателя, если к участию в следственном действии привлекается обвиняемый, содержащийся под стражей, что влечет нарушение законности при производстве следственного действия, поскольку не соблюдается его процессуальная форма.

Непосредственное указание в ч. 1 ст. 40 УПК РФ на учреждения уголовно-исполнительной системы как на орган дознания, наряду с органами внутренних дел, исключило бы основание предполагать нарушение законности исполнения поручения следователя об обеспечении участия содержащегося под стражей обвиняемого должностным лицом СИЗО.

Вместе с тем требуется дополнительное уточнение относительно круга этих должностных лиц. В качестве таковых могут выступать, как представляется, только оперуполномоченные СИЗО в силу системного толкования правовых норм, закрепленных ч. 1 ст. 40 УПК РФ и ч. 8 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Поэтому в случае, если начальник смены, оперативный дежурный, караульный, инспектор, иное должностное лицо СИЗО, кроме оперуполномоченного, исполняет анализируемое поручение следователя, что нередко встречается на практике, тем самым нарушается процессуальный порядок производства следственных действий с использованием системы ВКС ввиду участия в нем субъекта, не предусмотренного законом.

Следует признать существование проблемы обеспечения законного использования ВКС в следственном действии, связанной с ненадлежащим техническим оснащением органов предварительного расследования, должностные лица которых могут быть привлечены к исполнению поручения следователя, дознавателя об организации проведения в дистанционном режиме следственного действия, предусмотренного ст. 189.1 УПК РФ.

В частности, О. В. Овчинникова отмечает отсутствие во многих территориальных органах предварительного расследования, в том числе и в органах внутренних дел, расследующих ежегодно основной массив уголовных дел (порядка 92 % от всего объема находящегося в производстве следователей, дознавателей уголовных дел), необходимых систем ВКС. Как полагает указанный автор, «существующие системы видеосвязи применяются только для внутриведомственных совещаний, соответственно, установлены в конференц-центрах и недоступны для производства следственных действий»⁵.

В развитие указанного подчеркнем, что отдельными практиками высказывается мнение о недопустимости подключения СИЗО к системе ВКС, применяемой

⁵ Овчинникова О. В. Цифровизация уголовного процесса как фактор реализации прав потерпевшего // Виктимология. 2022. Т. 9. № 3. С. 267.

следователем, расследующим уголовное дело, поскольку технические устройства, установленные в данных учреждениях, не относятся к системам ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование⁶. При этом потребность в использовании следователем системы ВКС остается высокой, поскольку, например в СИЗО г. Москва и других крупных городов, ежедневно следователями «запрашиваются» 12—15 содержащихся под стражей подследственных для участия в следственном действии.

Таким образом, в целях исключения основания для признания результата следственного действия с использованием ВКС как полученного с нарушением закона целесообразно расширение в ст. 189.1 УПК РФ перечня технических средств, допускаемых к использованию в рассматриваемых следственных действиях, являющихся максимально защищенными от несанкционированного подключения к дистанционно проводимому допросу, очной ставке, опознанию.

Такие устройства, как представляется, должны быть определены постановлением Правительства РФ по аналогии с утверждением Перечня технических средств, используемых для осуществления электронного мониторинга подконтрольных лиц — обвиняемых, осужденных. Предлагаемый порядок установления перечня рассматриваемых технических средств позволит предотвратить нарушения законности вследствие попытки неуполномоченных лиц участвовать в производстве следственного действия, обеспечить единообразную следственную практику применения цифровых технологий, более интенсивным сделать применение ВКС в режимных учреждениях — СИЗО, исключая искажение даваемых подследственным показаний. Безусловно, требуется технологическая проработка данного вопроса, что является одной из целей, обозначенных программными документами в сфере цифровизации общества, утвержденными Президентом РФ⁷.

Одним из требований законности при производстве следственных действий является охрана прав и законных интересов обвиняемого. Основопологающим правом обвиняемого является право на защиту, предусматривающее оказание ему защитником квалифицированной юридической помощи, преследующей цель полного или частичного опровержения вменяемого подзащитному совершения преступления, установления его невиновности либо смягчения уголовной ответственности.

Использование ВКС при производстве следственного действия не только не должно ограничивать указанное право обвиняемого, но наоборот: использование следователем, дознавателем цифровой технологии должно обеспечить своевременное, качественное получение обвиняемым помощи защитника.

⁶ Платонов В. В. О некоторых проблемах реализации ст. 189.1 УПК РФ // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей XLI Международной научно-практической конференции 20 ноября 2022 г. Пенза, 2022. С. 73.

⁷ См., например: указы Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»; от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Между тем из-за отсутствия правового регулирования порядка участия защитника в следственном действии с использованием ВКС в уголовно-процессуальной практике отмечаются различия в качестве оказываемой защитниками юридической помощи обвиняемым. Последнее обусловлено различным местонахождением защитника — либо в месте нахождения подзащитного, либо удаленно от него. Среди ученых по данному вопросу нет единства мнений. Одни специалисты считают дистанционное участие защитника допустимым⁸. Противники данной точки зрения полагают, что в такой ситуации не полностью реализуется право на оказание квалифицированной юридической помощи, так как защитник не может при проведении следственного действия в полной мере способствовать реализации прав подзащитного, а также собственных⁹.

В первом случае обоснован вопрос: как обеспечить конфиденциальное общение защитника и подзащитного? Реализация данного права согласно предписаниям п. 9 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ должна быть обеспечена властным субъектом, ведущим производство по уголовному делу. Анализ уголовно-процессуальной практики свидетельствует о том, что осуществление указанного права находится в непосредственной зависимости от воли защитника.

Применительно к рассматриваемой ситуации Конституционный Суд РФ неоднократно высказывал свою правовую позицию о том, что непосредственное общение с адвокатом, обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем являются важными и необходимыми составляющими права на получение юридической помощи¹⁰. По мнению Верховного Суда РФ, при использовании системы ВКС не обеспечивается конфиденциальность общения подзащитного с адвокатом, поскольку в таком случае не гарантируется защита от прослушивания разговора третьими лицами. Наличие риска быть услышанным третьей стороной — существенное нарушение требования, предъявляемого к справедливому правосудию в демократическом обществе¹¹.

Как представляется, тактика защиты адвокатом должна согласовываться с доверителем. Но не каждый обвиняемый — достаточно грамотный в правовых вопросах участник досудебного производства. Большинство обвиняемых полагается на своего защитника, выражая доверие к его действиям, решениям, особенно в случае участия защитника в уголовном деле по соглашению.

⁸ Буфетова М. Ш., Кобзарь Д. Н. Применение систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве: перспектива изменения законодательства // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 14—18; Пашутина О. С., Алымов Д. В. Очная ставка: проблемные аспекты уголовно-процессуального регулирования // Российский следователь. 2020. № 6. С. 13—16; Щерба С., Архипова Е. Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 116.

⁹ Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199—207.

¹⁰ Постановления Конституционного Суда РФ от 26.12.2002 № 20-П; 29.11.2010 № 20-П и др.

¹¹ Определение суда кассационной инстанции (в порядке главы 47.1 УПК РФ) Верховного Суда РФ по делу № 35-УД20-7 от 07.07.2020.

Наличие у обвиняемого права выбора адвоката, являющегося процессуальной гарантией права на защиту, не способно нивелировать риск получения некачественной квалифицированной юридической помощи, неполной защиты от вменяемого обвинения. Такой риск связывается с необоснованным усмотрением защитника о нецелесообразности находиться рядом со своим доверителем — обвиняемым при производстве следственного действия с использованием ВКС. Нередко защитнику удобнее по различным причинам участвовать дистанционно в рассматриваемом следственном действии.

Ситуация с получением обвиняемым квалифицированной юридической помощи по уголовному делу усугубляется в случае его нахождения в СИЗО ввиду применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Как свидетельствует анализ уголовно-процессуальной практики, следователю приходится тратить много времени для организации проведения следственного действия с участием обвиняемого, находящегося под стражей, без использования ВКС. Более детально данную проблему раскрыл В. В. Платонов¹².

Использование ВКС существенно облегчает производство следователем предусмотренного ст. 189.1 УПК РФ следственного действия. Но одновременно возникает проблема, связанная с реализацией обвиняемым права на защиту, имеющая двойственный характер. Во-первых, защитник вынужден полдня ожидать в СИЗО встречи со своим доверителем. Во-вторых, исключается возможность конфиденциального общения обвиняемого с защитником, поскольку СИЗО — режимное учреждение уголовно-исполнительной системы.

Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденные приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110, принятые во исполнение предписаний ст. 16 Федерального закона от 15.07.1995 № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», устанавливают особый порядок встречи защитника с обвиняемым. Сотрудники СИЗО в обязательном порядке осуществляют видеонаблюдение, контроль за действиями защитника и его подзащитного, чем нарушается конфиденциальность их встречи. В данном случае усматривается конкуренция уголовно-процессуальных норм, устанавливающих право обвиняемого на конфиденциальное общение с защитником, и ведомственного нормативного акта, закрепляющего требования по ограничению анализируемой конфиденциальности и фактически обладающим большей юридической силой.

Указанный акт принят в целях обеспечения безопасности находящихся на территории СИЗО лиц, поэтому следует признать, что интерес публичный — обеспечение общественной безопасности — в рассматриваемом случае имеет большую ценность в сравнении с частным интересом — возможностью общения защитника с обвиняемым без какого-либо ограничения его конфиденциальности.

Конституционный Суд РФ, несмотря на действие правовых норм, закрепленных п. 9 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, также признает допустимым ограничение конфиденциальности встречи защитника с обвиняемым, уточняя в этой связи, что «обеспечение гарантированного Конституцией Российской Федерации права

¹² Платонов В. В. Указ. соч. С. 73.

на юридическую защиту осужденному не может осуществляться без учета... мер по обеспечению безопасности»¹³.

Режимные требования, установленные в СИЗО, согласно ведомственным нормативным актам Минюста России, являются более строгими в сравнении с режимными требованиями, действующими в исправительном учреждении. Поэтому, с учетом обозначенной правовой позиции Конституционного Суда РФ, анализируемое ограничение права на защиту обвиняемого, содержащегося в СИЗО, не может свидетельствовать о нарушении законности при производстве следственного действия с использованием ВКС.

Ранее ЕСПЧ в своих решениях обозначил ряд способов обеспечения надлежащей конфиденциальности в аналогичной ситуации: 1) организация общения посредством телефонного разговора по защищенной линии между осужденным и адвокатом; 2) назначение адвоката, который может посещать осужденного в СИЗО и находиться рядом во время слушания дела¹⁴. То есть в случае неприменения к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу защитник должен находиться в одном помещении со своим доверителем, что должно быть закреплено в ст. 189.1 УПК РФ. Соблюдение данного требования является весомой гарантией обеспечения законности производства следственного действия при использовании ВКС, в котором участвует обвиняемый.

Таким образом, система ВКС объективно востребована в досудебном производстве. Вместе с тем следует признать, что правовая регламентация ее применения требует совершенствования в целях обеспечения законности в следственной практике, более полного осуществления обвиняемым права на защиту, особенно в случае применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 448. — С. 199—207.
2. Буфетова М. Ш., Кобзарь Д. Н. Применение систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве: перспектива изменения законодательства // Адвокатская практика. — 2021. — № 1. — С. 14—18.
3. Ищенко Е. П. Специальные знания и новые информационные технологии // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня профессора И. М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е. И. Зуева) : сборник материалов 50-х Криминалистических чтений : в 2 ч. — М. : Академия управления МВД России, 2009. — Ч. 1. — С. 537—541.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2872-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Амирова Саида Джапаровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 89 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

¹⁴ Постановление ЕСПЧ от 02.11.2010 «Сахновский против России» // СПС «Гарант».

4. *Левченко И. П.* Механизм применения права. — Смоленск : Изд-во СГУ, 1997. — 102 с.
5. *Мальшева О. А.* Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 6. — С. 74—84.
6. *Милинчук В. В.* Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 352 с.
7. *Овчинникова О. В.* Цифровизация уголовного процесса как фактор реализации прав потерпевшего // *Виктимология*. — 2022. — Т. 9. — № 3. — С. 264—271.
8. *Пашутина О. С., Алымов Д. В.* Очная ставка: проблемные аспекты уголовно-процессуального регулирования // *Российский следователь*. — 2020. — № 6. — С. 13—16.
9. *Платонов В. В.* О некоторых проблемах реализации ст. 189.1 УПК РФ // *Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей ХLI Международной научно-практической конференции, 20 ноября 2022 г.* — Пенза, 2022. — С. 73—74.
10. *Щерба С., Архипова Е.* Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // *Уголовное право*. — 2014. — № 4. — С. 109—117.